

Но раз уж Сюаньцзи сам заговорил об этом, Хуа Мянью всё же решилась, запинаясь, высказать то, что мучило её весь вечер и не давало покоя в последнее время. Бай И и остальные были правы: молчаливым лучше прожить всю жизнь в тишине, а человеку-невидимке не стоит совершать ничего из ряда вон выходящего, чтобы привлечь к себе внимание. Она всегда так жила: никто не замечал её присутствия, а значит, никто не смел сказать ей дурного слова.

Хотя... она ведь тоже когда-то думала, что не должна вот так тихо, без единого звука, прожить свои десять, двадцать лет и уйти в небытие.

Только вот...

Если вдуматься, в этом, кажется, не было ничего плохого.

Она всегда была самым обычным человеком.

Из тех, кого в толпе днём с огнём не сыщешь.

— Наверное, это всё, — закончила она, сбивчиво договаривая фразу.

Хуа Мянью крепче сжала телефон. Она не понимала, почему так противилась этим словам, почему испытывала к себе такое отвращение, но всё же заставила себя договорить:

— Прости, что в итоге я так и не смогла тебе помочь. Если можно, давай больше не будем видеться.

Сказав это, Хуа Мянью низко опустила голову, поэтому не видела, какое выражение лица было у мужчины, стоящего перед ней. Она видела лишь его ноги: сапоги, искусно сделанные и безупречно чистые, стояли на земле. Он не двигался и молчал.

Когда Хуа Мянью уже почти решила, что он не понял её слов, сверху раздался его спокойный голос:

— Позволь узнать твоё имя, девушка. Раньше я слышал, как тебя называют в управе, но не спрашивал, как оно пишется.

— Хуа Мянью. Хуа — как в цветах, Мянью — как во сне.

— Под луной среди цветов, спящая в их объятиях... — он помолчал. — Какое удивительно тихое имя.

— ...

— Госпожа Хуа Мянью, благодарю за помощь в эти дни. На этом я откланиваюсь.

Хуа Мянью подняла взгляд и утонула в его глубоких, бездонных глазах. С самого первого момента их встречи и до этой секунды он оставался всё таким же невозмутимым.

На самом деле, ей очень хотелось бы увидеть на его лице хоть какие-то другие эмоции.

Хотя шанса уже не представится.

Впрочем, не то чтобы она была к нему привязана, ведь знакомы они были всего пару дней.

И всё же он был единственным мужчиной за долгие годы, с которым она могла немного расслабиться и поговорить длинными предложениями. Это было странное чувство — словно они были знакомы целую вечность.

Ах.

Не стоит об этом думать.

— Угу, — Хуа Мянью издала короткий глухой звук, подняла руку и, криво усмехнувшись, помахала ему на прощание. — Пока.

Прошла неделя с тех пор, как она попрощалась с Сюаньцзи, и сплетни вокруг Хуа Мянью действительно утихли. Как уже говорилось, в таком месте, как съёмочная база, где слухи рождаются ежесекундно, маленькому человеку вроде неё не суждено долго оставаться в центре внимания.

Когда любопытные взгляды исчезли, Хуа Мянью вернулась к прежней жизни: прятаться в фургоне с реквизитом, читать книги и мастерить мелочёвку. В день она произносила не больше десяти слов, а с мужчинами и вовсе почти не общалась.

Единственной проблемой оставался Ван, работник костюмерного цеха. Он не отступил после того, как она при всех отказала ему, а стал навязываться ещё чаще, постоянно пытаясь подсунуть ей конфету или какой-нибудь перекус.

После нескольких попыток отказать Хуа Мянью поняла, что это лишь раздражает его, поэтому стиснула зубы и научилась говорить спасибо, молча принимая подношения.

Из-за этого навязчивого внимания и скверного настроения Хуа Мянью старалась лишний раз не покидать свой фургон. Раньше она хотя бы наблюдала за съёмками, готовая вовремя подать реквизит, а теперь отсиживалась внутри, пока её не звал Су Янь. В конце концов, продюсер и режиссёр вышли из себя и устроили ей выволочку, но, увидев её жалкий вид, махнули рукой и отпустили.

Так в полузабытьи пролетели семь дней.

Говорят, семь дней — это цикл. Хуа Мянью потратила их на то, чтобы вернуться в привычный ритм.

Она пыталась забыть, как стояла перед мужчиной и заливалась смехом от его слов или движений.

Пыталась забыть, как однажды глубокой ночью показывала ему интерфейс Таобао, а он, наклонившись, спрашивал, не сокровищница ли это современного мира.

Пыталась забыть, что когда-то держала в руках настоящий золотой слиток.

Пыталась забыть человека, который сказал:

Имя Хуа Мянью означает под луной среди цветов, спящая в их объятиях. Такое удивительно тихое имя.

На седьмой день, когда съёмки закончились, воздух наполнился сыростью и холодом. Хуа Мянью несла коробку с реквизитом к фургону, когда с неба повалил густой пушистый снег. Первый снег в этом году.

Она замерла, глядя вверх, и снежинка попала ей прямо в глаз. Вздвогнув от холода, она вспомнила легенду из какой-то манги о том, что желание, загаданное в первый снегопад, обязательно исполнится. Хуа Мянью застыла с ошарашенным видом.

Хочу стать хоть немного смелее.

Она загадала это желание со всей искренностью, но тут сзади послышались шаги коллег, и она поняла, как глупо выглядит. Схватив коробку покрепче, она поспешила укрыться в фургоне.

Возможно, из-за этого странного желания, но ночью ей приснился необычный сон.

Она сидела на крыше золотого дворца. Снег падал ей на плечи и ресницы, золотая черепица была укрыта белым полотном, вокруг — ни души. Недалеко виднелась пропасть, а на другом её краю раскинулось синее море цветов. Ветер гнал по нему волны, лепестки касались друг друга, покачиваясь в такт.

Вскоре снег прекратился, и из-за туч показалась луна.

С неба донёсся крик кита, и в облаках показался огромный синий зверь с единственным рогом, грациозно перевернувшись и обнажив белоснежное брюхо. Его исполинское тело, окружённое облаками, раскинуло плавники, словно тучи, закрыв собой небо.

Его песня была долгой и успокаивающей. Словно почувствовав присутствие Хуа Мянью, он склонил голову и медленно спустился с небес.

Где я?

Во сне она протянула руку к киту. Когда она коснулась его рога, ледяной холод, такой настоящий, заставил её вздрогнуть.

И она проснулась.

Хуа Мянью открыла глаза. В ушах всё ещё звучал зов кита. Она сидела на кровати, не в силах уснуть, хотя небо только начало светлеть, и ей казалось, что она поспала совсем немного.

Она умылась, и вскоре в дверь постучали. Хуа Мянью заглянула в глазок и увидела Вана. Сердце неприятно сжалось, она не стала открывать сразу, а спросила из-за двери:

— Ван, что-то случилось?

— Реквизит, который мы вчера красили, оставили на верхнем этаже сушиться. Из-за снега возникли проблемы, мы не знаем, что делать. Начальник просил узнать, сможешь ли ты помочь?

Хуа Мянью заколебалась, закусив губу. Она открыла дверь, но не стала снимать цепочку, лишь приоткрыла щель. Ван как раз держал в руках наушник радиации, а чёрный провод свисал в карман. Он нетерпеливо бросил кому-то:

— Она проснулась, сейчас выйдет.

Костюмеры действительно выставляли доспехи на верхнем этаже. Хуа Мянью подумала, что в коридорах и лифте везде камеры, и немного успокоилась. Она сняла цепочку и вышла.

— Что с ними не так?

— Краска не легла, мажется.

Они поехали на лифте на самый верх, а потом ещё поднялись по лестнице. Хуа Мянью молча шла за Ваном, но, войдя в дверь, ведущую на крышу, не услышала ни голосов, ни звуков работы — только завывал ветер.

Хуа Мянью инстинктивно замедлила шаг.

Ван толкнул дверь на крышу. Ветер был сильным, и когда он наклонился, провод наушника, торчащий из кармана, выпал. На другом конце провода... ничего не было.

Хуа Мянью заметила это, и сердце у неё ушло в пятки. Она вспомнила, что лестница на крышу — единственное место без камер. Она тихо сделала шаг назад:

— Ван, я вспомнила, что забыла одну вещь...

— Какую ещё вещь? — Ван толкнул дверь и, увидев, что она отступает, в два прыжка настиг её

и схватил за запястье. — Сначала разберись с реквизитом!

От прикосновения к её руке Хуа Мянью вскрикнула. Этот крик заставил Ван сбросить маску. Она впервые видела, как человеческое лицо может исказиться до такой степени. Его глаза горели безумием, в пустом коридоре было слышно только его прерывистое дыхание:

— Иди со мной! Я знаю, что ты любишь безлюдные места, поэтому выбрал это. Давай сегодня поговорим начистоту — Хуа Мянью, я ведь нравлюсь тебе, правда? Нравлюсь?

— Я... — Хуа Мянью вцепилась в перила, — я не люблю тебя!

— Как ты можешь меня не любить?! Если не любишь, почему постоянно смотришь на меня? Почему улыбаешься и разговариваешь со мной? Ты знаешь, как мне было больно, когда ты при всех сказала, что мы не знакомы? Вы, бабы, все такие — любите играть в недотрог...

Раздался щелчок, рука отозвалась резкой болью, и Хуа Мянью, побледнев, разжала пальцы, которыми вцепилась в перила. Ван рывком затащил её на крышу.

Там никого не было.

В голове у Хуа Мянью была пустота, лишь всепоглощающий страх.

Но в этот момент в ушах раздался гул. Снег на крыше взметнулся вихрем, и в центре площадки вспыхнул ослепительный синий свет. В воздухе появился огромный меч. Хуа Мянью узнала его — он был очень похож на тот, что когда-то приставляли к её горлу.

Она замерла, а затем увидела, как сверху упала стройная чёрная фигура. Он ловко выхватил меч из снежной бури. Секунда — и он оказался перед ними. Обухом меча он ударил Ван по руке, державшей Хуа Мянью. Раздался хруст костей и вопль боли. Хуа Мянью почувствовала, что её запястье свободно!

Перед глазами всё мелькнуло. Она успела заметить лишь холодный взгляд мужчины, как он схватил Ван за шиворот, оттолкнулся от земли и исчез... прыгнув с крыши!

...С двадцать восьмого этажа?

Двадцать восьмой этаж. Высота, с которой падение для обычного человека означает верную смерть.

Хуа Мянью стояла в центре крыши, глядя на следы на снегу. Её мозг отключился, она тупо смотрела в ту сторону, где Сюаньцзи, ухватив Ван, совершил прыжок.

Долгое время в ушах, казалось, снова звучал зов кита из её сна:

...Сидя ночью на крыше храма Улян, можно увидеть, как синий мистический кит плывёт по Млечному пути, издавая свои звуки.

Жаль, что не каждый может подняться на крышу храма Улян.

...Как-нибудь я возьму тебя с собой.

Холодный ветер поднял снежную пыль, и девушка, застывшая на месте, словно очнулась от сна. Её зрачки сузились, пальцы рук рефлекторно дёрнулись.

— Сюань... Сюаньцзи?

Её голос был тихим, словно она пробовала имя на вкус — имя, которое никогда не произносила вслух, пока он был рядом.

Она сделала шаг, снег под ногами скрипнул.

Взгляд обрёл фокус, сердце бешено заколотилось. Она, спотыкаясь, бросилась к краю, где стоял мужчина, врезалась в перила, сбив с них пласт снега.

Она вцепилась в край и отчаянно пыталась заглянуть вниз, но ничего не видела — только куски снега, которые разлетались в воздухе, сорвавшись вместе с ней.

— Сюаньцзи! И Сюаньцзи!

Она кричала изо всех сил, не замечая, как громко звучит её голос в пустом здании.

Пока.

Сзади.

Не раздался низкий, бархатный голос:

— Госпожа Хуа Мян, здесь высоко и опасно, не стоит так близко подходить, можно оступиться.

Хуа Мян замерла.

В тот миг воздух словно выкачали из пространства.

Она широко открыла глаза и, оцепенело развернувшись, встретила взглядом с мужчиной, который стоял за её спиной с абсолютно невозмутимым видом.

Он был цел и невредим, ни царапины. Меч Угуй, который должен был находиться в полиции,

был у него за спиной. В руке он держал Вана, который уже потерял сознание — похоже, его ещё и вырвало, одежда была в ужасном состоянии.

Сюаньцзи брезгливо отбросил Вана, словно мусор.

Затем он увидел, как девушка, стоявшая у перил, обессиленно опустилась на землю, прислонившись спиной к ограждению. Её глаза покраснели, а взгляд был остекленевшим от пережитого шока.

— Ты... ты в порядке? — Хуа Мянью подтянула колени к груди и прошептала почти про себя: — Такая высота... ты так прыгнул, я думала, ты...

Сюаньцзи ответил:

— Я практикую боевые искусства. Ещё в семь лет я мог взобраться на отвесные скалы перед морем цветов Улян...

Он хотел сказать, что такая высота для него пустяк, но тут услышал тихий смешок. Он удивлённо присмотрелся и увидел, что девушка, сидящая у перил, почему-то смеётся. Она прижала руку ко лбу, её плечи слегка дрожали — неизвестно, смеялась ли она над ним или над собой.

Спустя мгновение Хуа Мянью вытерла слёзы, которые невольно покатались из глаз от облегчения, поднялась, опираясь на перила, и посмотрела на него:

— Значит, всё, что ты говорил, — правда.

Сюаньцзи вопросительно поднял бровь.

— Твой континент Чжуся, море цветов Улян и мистический кит Футу, плывущий под звёздами... — Хуа Мянью медленно подошла к нему и остановилась, подняв взгляд на его лицо. — Ты говорил правду. Ты действительно пришёл из другого времени и пространства... чтобы... — она сделала паузу, — найти ножны для меча Угуй.

— Именно так.

Сюаньцзи нахмурился, не понимая, почему она решила повторить то, что он уже давно ей сказал.

Он не знал, какая буря бушевала в душе Хуа Мянью. Никто не может увидеть, как человек прыгает с двадцать восьмого этажа и возвращается невредимым, а потом убеждать себя, что это сон. Принять существование параллельных миров было непросто, но это не значило, что она должна закрывать глаза на очевидное.

Сюаньцзи действительно не из их мира.

Он пришёл из места под названием континент Чжуся, владеет боевыми искусствами, разводит китов и занимает не последнее место — он лидер.

— ... — Подумав о том, что все эти дни она считала его сумасшедшим, Хуа Мянью почтительно склонила голову: — Прости.

— ? — Сюаньцзи продолжал смотреть с недоумением. — Кажется, извиняться должен я. Я обещал, что больше не буду тебя беспокоить, но нарушил слово... Хотя ситуация была критической, и я видел, что ты нуждаешься в помощи...

Пока он говорил, Хуа Мянью вдруг присела на корточки, обняла себя за колени, а другой рукой ткнула лежащего как труп Вана:

— Он умер?

Сюаньцзи словно не заметил её вопроса. Он помедлил и ответил:

— Я просто прыгнул с ним вниз, чтобы напугать. Кто же знал, что он такой трус — потерял сознание, пошла пена изо рта, начались судороги...

Хуа Мянью «о»кнула, убрала палец, снова встала и указала на меч за его спиной:

— Разве его не конфисковали в полиции?

— Меч Угуй откликнулся на зов хозяина, я могу призвать его даже за тысячи миль... — в голосе Сюаньцзи звучала гордость. — Это древний артефакт, в этом мире нет ничего, что могло бы его удержать.

Хуа Мянью «о»кнула снова, сохраняя каменное выражение лица. Она сказала себе: не удивляйся, это просто фэнтези-версия заклинания «Акцио» из Гарри Поттера. Ты опытный человек, не будь деревенщиной.

Хуа Мянью завела руки за спину и пнула снег носком ботинка:

— ...Тогда, почему ты появился так вовремя? Кажется, я ещё не успела сказать тебе спасибо?

К её удивлению, мужчина, который обычно отвечал на все вопросы, промолчал.

Хуа Мянью спросила это просто так, ожидая стандартного ответа вроде «случайно проходил мимо» или «шёл на зов ножен», но он молчал.

Молчал?

Она с сомнением подняла голову.

Его челюсть была сжата, кадык подозрительно дёрнулся, и он отвернулся.

На его лице было написано «я виноват».

Хуа Мянью онемела, указав на свой нос:

— Неужели ты всё это время следил за мной...

— Я тоже...

— Я, — поправила его Хуа Мянью.

— Я... мне тоже больше некуда было идти.

<http://bllate.org/book/21766/2250919>